

3.1.3. Берлинская стена

Летом 1961 г. из восточного в западный сектор Берлина ежедневно уходили до 3000 человек. Бежали инженеры, ученые, медперсонал, некому было лечить больных. Открытая граница подстегивала контрабанду и спекуляцию. Марка ГДР не выдерживала соперничества с маркой ФРГ и по законам рынка становилась объектом игры на понижение, отступала и обесценивалась. Ясно было, что вот-вот вся система в ГДР рухнет. И в советском, и в восточно-германском руководстве понимали: нужны пожарные меры. Еще в 1958 г., когда в СССР приезжала партийно-правительственная делегация ГДР во главе с первым секретарем ЦК Социалистической единой партии Германии В. Ульбрихтом, во время одного из вечерних застолий Хрущев, заведя речь о необходимости «превратить ГДР в витрину социализма», по свидетельству одного из чиновников МИДа, выполнявшего там роль переводчика, прямо говорил:

– Вальтер, ты пойми одно – с открытыми границами мы с капитализмом соревноваться не можем.

Два раза повторил. И Ульбрихт с ним соглашался{1148}.

Поначалу закрыть границу пытались, изолировав Западный Берлин от Западной Германии. 27 ноября 1958 г. советский руководитель предложил создать конфедерацию из двух германских государств и заключить мирный договор с нею, а Западный Берлин превратить в демилитаризованный вольный город. А дабы западные державы под давлением своего союзника К. Аденауэра не смогли отложить решение этой проблемы в долгий ящик, был назван крайний срок – 6 месяцев, – после которого СССР будет вынужден заключить отдельный мирный договор с ГДР, передав ей все свои права по контролю над коммуникациями между Западным Берлином и ФРГ. Позже это требование видоизменялось, а сроки переносились. В первый раз – в связи с открывшейся в Женеве конференцией министров иностранных дел четырех держав с участием представителей ФРГ и ГДР, на которой, по мнению А.А. Громыко, вырисовалась практическая основа договоренности по Западному Берлину:

– Каждая из четырех держав руководствовалась своим прочтением перспектив, – рассказывал он своим помощникам, – и при уравновешенном ведении дальнейших переговоров Западный Берлин мог получить новый статус из рук четырех держав не без последствий для германского ландшафта в целом{1149}.

Перспективы достижения такого соглашения, казалось бы, стали просматриваться более отчетливо после того, как Хрущев во время своего пребывания в США в сентябре 1959 г. добился согласия на созыв нового совещания глав государств и правительств четырех держав.

На нем-то он и собирался триумфально поставить точку в решении берлинского, а может быть и германского вопросов.

Однако обнадеживающие перспективы разрядки столкнулись с живою реальностью взаимных подозрений и обид. 1 мая 1960 г, в советском воздушном пространстве над Уралом был сбит американский самолет-разведчик У-2, и Хрущев потребовал публичных извинений, наказания виновных и обещания не допускать подобного впредь. Все эти требования он повторил, прибыв в Париж на совещание глав государств и правительств США, Англии, Франции и СССР. Эйзенхауэр расценил их как стремление добиться сенсационного унижения Соединенных Штатов и тем самым усилить советские позиции на конференции. И согласился с мнением своих советников, что в подобных условиях разрешение германского кризиса и достижение соглашения о запрещении атомных испытаний могут и подождать. Переговоры в верхах были сорваны, так и не начавшись.

Когда же стало ясно, что советские ультиматумы не дают должного эффекта, решили перекрыть границу между восточным и западными секторами в самом Берлине. 18 октября 1960 г. Ульбрихт в письме к Хрущеву поделился своими соображениями на эту тему. 24 октября тот ответил ему: «Мы считали бы целесообразным обменяться мнениями по всем затронутым в этом письме вопросам во время вашего пребывания в Москве в ноябре с. г.». Такой обмен мнениями состоялся 30 ноября и, судя по последующим событиям, не привел к какому-то определенному решению{1150}.

29 марта 1961 г. Ульбрихт снова вернулся к этой теме на встрече глав государств – членов Варшавского договора в Москве. Его аргумент впечатлял: 199188 граждан «первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян» в прошлом году повернулись к нему спиной и покинули его. Причем 152291 из них сделали это, перейдя с одной стороны улицы в Берлине на другую. И это массовое бегство сможет сдержать «только радикальная изоляция».

– А как она будет выглядеть? – поинтересовался чехословацкий президент А. Новотный.

Ему разъяснили:

– Мы должны законопатить все дыры, через которые бегут в Западный Берлин, поставить часовых, соорудить барьеры, возможно и заграждения из колючей проволоки.

Идея эта зрела давно. Но не все оказались тогда готовыми воспринять ее. Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадар, например, считал, что колючая проволока в центре Берлина снизит привлекательность социалистического лагеря. Такого же мнения придерживался и первый секретарь ЦК Коммунистической партии и председатель Государственного совета Румынии Г. Георгиу-Деж.

Другие опасались возникновения военного конфликта. Как высказался первый секретарь Польской объединенной рабочей партии В. Гомулка, не позволят же западные союзники возвести забор прямо у себя под носом. В этих условиях Хрущев высказался за то, чтобы не торопиться чрезмерно. Тем более что его ждала в июне встреча с новым американским президентом Кеннеди в Вене. Но разрешение готовить все необходимое на случай закрытия границы было дано{1151}.

Получив такое разрешение, Ульбрихт запустил механизм по созданию стены. Если верить воспоминаниям тогдашнего заместителя обороны Чехословакии Я. Шейны, бежавшего семь лет спустя на Запад, уже в апреле руководство Национальной народной армии было сориентировано на то, чтобы быть готовым к возможности возникновения в ближайшем будущем военного конфликта{1152}.

На встрече с Кеннеди в Вене в начале июня 1961 г. Хрущев напирал на него:

– Война или мир – теперь это зависит от вас... Мирный договор с ГДР со всеми вытекающими отсюда последствиями будет подписан к декабрю нынешнего года.

Кеннеди спросил его:

– Означает ли это, что свободный доступ в Западный Берлин будет блокирован?

Хрущев ответил:

– Именно так.

И добавил, что желает мира, «но если вам нужна атомная война, то вы ее получите».

Президент США подвел итог:

– Если это правда, то нас ждет холодная зима.

И продолжал настаивать на легитимности присутствия американских, английских и французских войск в Западном Берлине, на свободе передвижения между ним и ФРГ и на обеспечении жизнеспособности двух миллионов его жителей{1153}.

Главный редактор журнала «Новый мир» А.Т. Твардовский, ознакомившись с записью этой беседы, сперва был «порядочно смущен». Но взяв ее с собой домой и почитав и вдумавшись, стал сам себя успокаивать: «Нет, это так. Не может же быть, чтобы мы впрямь напрашивались на войну. Это проба характеров и нервов. Обе стороны имеют в запасе готовность пойти на уступки»{1154}.

А стороны тем временем продолжали эту пробу характера и нервов. В полном драматизма выступлении по американскому телевидению 25 июля Кеннеди сказал:

– Мне говорят, что с военной точки зрения Берлин нельзя удержать. Но то же самое говорили о Сталинграде. Любую опасную позицию можно удержать, если того захотят бойцы, смелые бойцы.

Советский лидер назвал это выступление «последним шагом перед объявлением войны». Во время беседы с советником американского президента Дж. Маклоем на своей даче в Крыму он до предела взвинтил обстановку, заявив, что СССР в состоянии взорвать над США 100-мегатонную бомбу{1155}.

На новой встрече руководителей социалистических стран в Москве 3 августа 1961 г. Ульбрихт опять поднимает вопрос о стене. На сей раз с ним соглашаются, потребовав, правда, ответа на два вопроса: сумеют ли власти ГДР удержать своих граждан от штурма колючей проволоки и смогут ли они устоять, если ответом ФРГ и ее союзников по НАТО станет экономическая блокада и прекращение межзональной торговли? Видимо, ответы были даны положительные. Потому что уже 5 августа, в момент окончания встречи, Ульбрихт поручает члену Политбюро и секретарю ЦК СЕПГ и секретарю комиссии ЦК по вопросам безопасности Э. Хонеккеру подготовку и осуществление необходимых мероприятий{1156}.

Для этого были привлечены 11900 полицейских и 12 000 бойцов боевых рабочих дружин, а также 4, 5 тысячи сотрудников госбезопасности. В боевую готовность привели части Национальной народной армии общей численностью 40 тысяч человек со 150 танками. Не осталась в стороне и Группа советских войск в Германии. 10 августа в ее штаб-квартире перед представителями западных военных миссий появился маршал И.С. Конев, только что сменивший на посту главнокомандующего генерал-полковника И.И. Якубовского.

– Мы слышали, что в последнее время наблюдаются значительные скопления войск, – попытались они выудить у него хоть какую-то информацию.

И получили заверения:

– Вы можете быть спокойны. Чтобы ни произошло в ближайшее время, ваши права не будут нарушены и ничего не будет предпринято против Западного Берлина{1157}.

Вряд ли кто поверил ему в тогдашней ситуации. Запад ждал чего-то, во всяком случае, для него неприятного и недоброго. И тем не менее то, что случилось в ночь на воскресенье 13 августа, стало для него полной неожиданностью. За несколько часов всю границу вокруг Западного Берлина (а это 162 километра, из них 45 километров внутри города) взяли под свою охрану боевые дружины и народная полиция, воздвигнув вокруг нее проволочные заграждения, которые потом были заменены стеной из бетонных блоков. В случае необходимости их должны были поддержать органы МГБ и соединения Национальной народной армии. А на тот случай, если бы в события вмешались вооруженные силы НАТО, в действие должны были вступить советские вооруженные силы{1158}. Конев поднял по тревоге 20 своих дивизий{1159}.

Но ничего подобного не понадобилось. Э. Хонеккер вспоминал позже: «У нас были все основания полагать, что на подобного рода акцию, которая была осуществлена исключительно на нашей территории, НАТО не сможет ответить военной агрессией. Из находившейся в нашем распоряжении информации следовало, что США, основная сила НАТО, без которой военное вмешательство было бы немыслимо, руководствовались в отношении Западного Берлина вполне определенными интересами. Это были: неизменный статус Западного Берлина, присутствие в Западном Берлине трех западных держав, надежное сообщение между Западным Берлином и ФРГ. Наши меры по обеспечению границ не затрагивали ни одного из этих пунктов»{1160}. О том же свидетельствуют и размышления Кеннеди. По словам его советника

К.Х. Росту, он был готов к такому повороту событий и за несколько дней до случившегося говорил:

– Потеряв Восточную Германию, Советский Союз лишился бы Польши да и всей Восточной Европы. Он должен что-то предпринять, чтобы остановить поток беженцев... Может быть, стена? Мы не сможем выступить против. Я могу объединить альянс для защиты Западного Берлина, но не в силах удержать открытым Восточный Берлин{1161}.

Правда, не столько для острастки, сколько для того, чтобы внушить обывателю впечатление решимости сломать преграду из колючей проволоки, у Бранденбургских ворот и на Фридрихштрассе в течение двух дней в конце октября стояли с работающими моторами американские бульдозеры, а с другой стороны, развернув в их сторону свои пушки, в боевой готовности находились советские танки. В последний день работы XXII съезда КПСС маршал Конев доложил Хрущеву, что американская техника отведена от стены, и получил от него указание сделать то же.

Как реагировали многие восточные немцы на возведение стены в центре Берлина, мы теперь можем судить по кадрам американского документального фильма «Холодная война», показываемого по российскому телевидению. А как реагировало советское общество?

11,5% опрошенных в 1998 г. и 18% опрошенных в 1999 г. отвечали, что видели причину Берлинского кризиса, согласно официальной версии, в происках империализма.

«Оставшихся в Западной Германии врагов поддерживают капиталисты Америки и Европы», – была уверена стеклодув К.П. Лабзина с завода елочных игрушек в Москве{1162}. «Агрессивность Запада в отношении восточных немцев и социалистической системы» винила во всем З. Г. Сиротина из деревни Слобода (Ленинский район Московской области), работавшая в оранжерее совхоза им. Ленина{1163}. «Попытка Запада развязать войну» была несомненна для инженера Московского завода «Красный Октябрь» В.В. Токарева{1164}. «Ясно, империалисты виноваты!» – была уверена Н.А. Торгашева из Рузаевки в Мордовии{1165}. «Германию считали тогда врагом», – поясняла бухгалтер базы № 1 ГУ материально-технического снабжения МПС в Ховрино А.Н. Бородкина{1166}. Военврач Е.П. Лукин из в/ч 44026 считал, что «Запад может дурно влиять на социалистический блок»{1167}. Для рядового Советской армии А.Г. Гришина, служившего тогда в учебном полку в Олимписдорфе около Берлина, причина («как нам говорили») заключалась в множестве шпионов{1168}.

«Для детей войны западный сектор Берлина всегда ассоциировался с фашизмом», – поясняла Г.В. Свердлова из Мингечаура в Азербайджане. «Страны НАТО пытались развалить ГДР через Западный Берлин», – объяснял офицер в/ч 44526 В.А. Лавровский. Верил, что «американцы проникали через Западный Берлин на нашу территорию», рабочий Красногорского оптико-механического завода В.Д. Бакин. «У СССР хотели отнять плоды Победы», – полагал слесарь предприятия п/я 577 в Химках А.В. Ашурков. «Запад пытался пересмотреть результаты Второй мировой войны», – верила работница поселкового совета в поселке Луч Чеховского района Н.П. Шишова. Американцы и англичане, по мысли конюха из колхоза «Путь к коммунизму» в подмосковной деревне Верескино Н.М. Зайцева, хотели прибрать к рукам всю Германию. В руководителях Западного Берлина видел виновников обострения ситуации врач-терапевт В.В. Макаров из в/ч в Загорске-6. О немецких реваншистах упоминают 10 респондентов, о своем настороженном отношении к немцам вообще – еще 1 респондент. В контексте противостояния СССР и США виделся этот кризис лейтенанту

А. П. Лашкевичу из военного городка в Куровском{1169}.

«Верили правительству безоговорочно», – вспоминала потом Г. Н. Щербакова, учительница Кондыринской школы в Клинском районе. «Мое мнение целиком зависело от газет», – уточняла

В. В. Беляева, медсестра из Института скорой помощи им. Склифо-софского{1170}. «В прессе писалось, что в ФРГ поднимают голову фашисты», – указывал Н.Л. Хаустов, курсант Ленинградского военно-морского инженерного училища им. Дзержинского{1171}. Видела так, как ей преподносили преподаватели, Н.Л. Иванова, студентка Ижевского медицинского института{1172}.

Несколько иначе причины кризиса виделись 10,5-11% опрошенных.

Оговариваясь, что она «не политик», А.Н. Никольская, медсестра из детских ясель Водздравотдела в Икше Дмитровского района, рассуждала: «Зачем нужно было делить Берлин? Он должен был быть единым, побежденный и завоеванный советской армией»{1173}. «Если мы выиграли войну, то Берлин должен подчиниться нашему влиянию», – соглашалась с ней А.Л. Табурина из Ивантеевки{1174}. «Берлин должен быть советским», – был уверен рабочий Загорского оптико-механического завода А.Г. Андриенко{1175}. «Весь Берлин должен был быть советским, а всех нежелающих надо было успокоить навечно», – весьма категорично говорил А.П. Козюков, прокурор в Плавском районе Тульской области{1176}.

В противостоянии НАТО и ОВД видел причины кризиса

А. И. Митяев, инженер ОРГ «Алмаз» в Москве{1177}. «Все виноваты», – соглашался чекист Л.Ф. Колчин, служивший в ГДР{1178}. В борьбе двух сверхдержав – Г.М. Козлов, офицер военного гарнизона Кубинка-1.{1179} В противоборстве двух систем – М.Д. Филиппов, офицер из Ельца{1180}. В столкновении двух идеологий – В.И. Пастушков, офицер одной из частей береговой артиллерии Балтийского флота{1181}. Авантюризм с той и другой стороны видела работница Истринского горсовета А.В. Копейкина{1182}.

«В разных путях развития обоих германских государств» видела причину кризиса работница Бабушкинского райздрави П.П. Хлопце-ва, «в разных убеждениях», – студентка физико-математического факультета Ленинградского университета И.Г. Шабанова, в отставании ГДР от ФРГ – рабочий предприятия п/я 41 в Подольске А.Д. Арвачев. В том, что ГДР и ФРГ нужно было окончательно разъединиться – доярка из деревни Зайчевка в Тульской области Т.П. Кищен-ко. «В разногласиях с Западом» видели ее шлифовщица с завода «Фрезер» Н.В. Подколзина и ряд других респондентов. В «холодной войне» – инженер предприятия п/я 577 в Химках А.В. Анисимов, инженер Московского энергетического института А.В. Митрофанов и работник Ленгипростроя И.Ф. Григорьев. В «противостоянии двух миров» – курсант Московского военного пехотного училища

В. А. Куприн, шофер МПС М.А. Гук и бригадир из подмосковного колхоза им. Ленина П.И. Ковардюк. В борьбе СССР и США за влияние в мире – инженер предприятия п/я В2431 Э.А. Шкуричев{1183}.

«Хотели добра, а неблагодарные люди, которым мы дали свободу, не пожелали этого принять», – полагал московский рабочий Б.А. Глухов{1184}. «Говорили, что в ГДР голодно», – вспоминала официантка одного из московских кафе Н.Н. Сныткова. Рабочий Мосстроя М.М. Гурешов видел первую причину в том, что люди бежали в ФРГ, а вторую в более дешевых продуктах на востоке, что создавало условия для спекуляции ими и подрыва экономики ГДР. А рабочий завода № 30 А.И. Кирьянов, соглашаясь, что главная вина лежит на западных державах, в то же время подозревал, что «и наша страна приложила к этому руку»{1185}.

В действиях советского руководства видели эти причины только 3% опрошенных.

«Нам не следует влезать в их дела, надо в своих разобраться!» – считала Г.Д. Воронова, паспортистка Серпуховского районного ЖКО{1186}. В стремлении СССР во что бы то ни стало навязать свою волю видел причину кризиса М.А. Семенов, офицер из Раменского{1187}. Чувствовалась не только «напряженность в стране», но и «определенная агрессивность по отношению к ФРГ», – утверждал курский рабочий П.С. Коновалов{1188}.

«Разделили нацию, но зачем, мне не совсем понятно», – говорил техник трамвайного депо им. Баумана А.И. Харитонов. «Мы стали бояться сильного влияния Запада на социалистический строй», – полагал рабочий завода при ОКБ-2 О.В. Шеффер. «В ошибочной, какой-то маразматической внешней политике Хрущева» видел причину кризиса работник Нарофоминского шелкового комбината В.С. Данилович. В желании «сильнее зажать всех восточных немцев в кулак» – бывший дворянин С.Н. Гук{1189}.

«В заметном опережении уровня жизни в ФРГ» заключались причины кризиса по мнению М.М. Гурена, инженера комбината «Тулауголь» в Сталиногорске{1190}. Оговорившись, что в положении за границей не все для него было ясно («мало мы знали, лапшу нам вешали хорошо»), техник В.П. Платонов из Саратова причину данного кризиса видел в том, что «уровень жизни был разный у восточных и западных немцев»{1191}.

Не понимали, что происходит, от 4,5 до 5% опрошенных.

«Причину кризиса никто не понимал», – утверждал шофер МИДа Г.В. Алексеев. Плохо в

этом разбирался слесарь в/ч в Загорске-6 П.П. Рогожин. Мало информации было у конструктора предприятия п/я В2431 Ю.К. Игнатова. Что там было конкретно, не знала рабочая лыжной фабрики в Клину Л.Я. Титова. Но то, что конфликт был рядом, в Европе, ее настораживало. У учительницы из подмосковного Косино Н.Б. Косяк этот кризис вызвал чувство тревоги{1192}.

Не задумывались тогда над этим соответственно 12 и 10% опрошенных. «Слышал о кризисе, но эта информация в сознании не фиксировалась», – вспоминал позже офицер инженерно-авиационной службы Северного флота А.Т. Щепкин. «Все эти события были очень далеки от меня, и мне не хотелось думать об этом», – рассказывала Л.И. Гончарова из подмосковного Костино, никогда не интересовавшаяся политикой. «Совершенно не интересовало» это рабочего трамвайного депо им. Баумана В.А. Васильева. «Не интересовало» это и медсестру из в/ч 12122 в подмосковном поселке Заря А.П. Смирнову. «Не вникала, ибо была занята работой», заведующая железнодорожной столовой в Петрозаводске М.А. Гришина; «не вникал» и ее муж, летчик Аэрофлота С.Е. Барильский, – оба, кстати, члены КПСС. «Никогда не задумывался» над такими проблемами инженер ВНИИлитмаша А.В. Гавриленко. «Нас это не касалось, были свои проблемы» у слесаря Воронежской ГРЭС И.Н. Комова. Безразлично это все было для 17-летней работницы предприятия п/я 565 М.А. Харитоновой и ее близких, так как «большинство молодежи было не политизировано и увлекалось больше культурной жизнью»{1193}.

Были не в курсе, не знали о кризисе соответственно 11 и 8% опрошенных. Находился в Китае геолог М.И. Тухтин{1194}. «Про дела в мире ничего не знал» слесарь Н.А. Бондарук из совхоза «Хмельницкий» на Украине{1195}. Ничего не слышал и не знал колхозный шофер К.С. Лебедев из села Троицкое-Татарово в Вязниковском районе Владимирской области{1196}.

Затрудняются ответить, ничего не могут вспомнить соответственно 11,5 и 8% опрошенных.

Очень высока доля тех, кто на заданный ему вопрос не ответил или ответил что-то невнятное. Таких оказалось 30-32% опрошенных.

Советские предложения объявить Западный Берлин «свободным городом» оценили положительно от 7 до 12% опрошенных.

Не поддержали от 4,5 до 5% опрошенных.

Опасался отторжения восточного Берлина столичный офицер В.А. Сорин{1197}. Считала, что «мы слишком потакаем немцам», научная сотрудница ВНИИЭСХ В.Ф. Полянская, «недопустимой уступкой Западу» – студентка филфака МГУ Г.С. Лукашенко{1198}.

Было все равно для соответственно 7,5 и 6% опрошенных. Не понимала «большой политики» сигнальщица Н.А. Белая с железнодорожной станции Терны. «Не наше все это», – говорила Е.П. Серова, шофер одной из столичных автобаз{1199}.

Затрудняются с ответом, в том числе потому что не знали или не помнят, 9-10% опрошенных.

Нет ответа на этот вопрос у 52-62% опрошенных.

На вопрос «Было ли вам известно тогда, что из восточного сектора Берлина в западный бегут граждане ГДР?» положительно ответили соответственно 11 и 10% опрошенных. Из передач иностранных радиостанций знал об этом шофер МИДа Г.В. Алексеев{1200}. «Про это по радио говорили», – вспоминает рабочая из Мичуринска М.Д. Биз-жина{1201}.

«Говорили, что это недобитые фашисты, эсесовцы», – вспоминала П.И. Кондратьева, работавшая тогда учительницей в Новгородской области{1202}. Не могла понять причины этого явления московская учительница М.Ф. Бодак, четырежды побывавшая там в командировках: «Живут они великолепно, в несколько раз лучше, чем мы в СССР, и продукты в Западном Берлине дороже, чем в Восточном»{1203}.

«В Западном Берлине лучше жилось», – объясняла это бегство работница аптеки в Короче Курской области Г.С. Ковтунова{1204}. «Люди бегут туда, где им лучше живется», – соглашалась и учительница иностранных языков из Баку Ф.А. Павлюк{1205}. «В научных кругах говорили о перебежке многих немцев на запад и вообще рассказывали о великолепии ФРГ, но так как официальная версия была другая, мы не знали, где правда», – вспоминает Г.И. Белова, бухгалтер в одном из московских закрытых НИИ{1206}.

Но о том, что число этих перебежчиков за 8 лет превысило 2 миллиона, знало от 1 до 4% опрошенных.

Товарищи по инженерно-авиационной службе Северного флота говорили А.Т. Щепкину о переходе людей из нашей зоны оккупации в Западный Берлин. По слухам, делали они это потому, что там «жизнь лучше», что «капиталисты живут припеваючи». Знал о переходе людей через Западный Берлин в западные зоны рабочий Красногорского оптико-механического завода В.Д. Бакин. Делал вывод об этом из статей о ГДР и ФРГ в справочниках и ежегодниках Большой советской энциклопедии Б.С. Виневиц из Фрязино. «Не мудрено, они ведь от нас бежали!» – говорил техник трамвайного депо им. Баумана А.И. Харитонов. Разделял мотивы беглецов техник на строительстве столичной ТЭЦ-22 В.М. Доронкин{1207}.

Ничего не было известно о массовом бегстве из Восточного Берлина в Западный соответственно 19,5 и 32% опрошенных. «Откуда я могла знать такую информацию?» – спрашивала работница Бабушкинской райздравицы П.П. Хлопцева{1208}. Не знал и сегодня не верит этому А.В. Митрофанов, инженер Московского энергетического института: «Откуда 2 миллиона? Во всей ГДР было 17 миллионов!»{1209}.

Нет ответа на этот вопрос у 48-51% опрошенных.

Возведение стены вокруг Западного Берлина в ночь на 13 августа 1961 г. одобрили соответственно 24 и 39% опрошенных.

«Нас тогда убедили, – вспоминал офицер Э.В. Живило, – что через Западный Берлин уходили ресурсы, а взамен поставлялись агенты»{1210}. «Нужно было помочь стране, в этом сильно нуждающейся», – говорил работник ФИ АН Л.А. Ипатов{1211}. «Чтобы враги с Запада не пролезли», – объясняла рабочая А.С. Авилова из Мытищ{1212}. «Это хорошо, лазутчики перестали ходить», – думала П.И. Кондратьева, работавшая тогда учительницей в Новгородской области{1213}. «Конечно, это защита от врагов мира», – полагала Н.А. Торгашева из Рузаевки в Мордовии{1214}. «Ежели свой огород плетнем не огородишь, урожая не соберешь», – говорила М.И. Вознюк, кочегар на кирпичном заводе в Райчихинске (Амурская область){1215}.

Был «за наведение порядка» В.И. Маркин, техник НИИ-160 во Фрязино{1216}. «Да этот Берлин вообще надо было забомбордировать. А то вдруг им что в голову еще придет», – думала А.Г. Столярова, прораб-строитель из Можайска{1217}. «Не будь у США атомной бомбы, надо было еще жестче действовать», – была уверена работница Лыткаринской горбольницы А.С. Ключничева{1218}.

«Если так высшее руководство решило, значит это правильно», – думала А.И. Аксенова, работавшая на заводе «Вторчермет» в Москве, а жившая в Люберцах{1219}. «Раз возвели, значит так нужно», – верила З. П. Половинкина из Загорска, прядильщица фабрики им. Р. Люксембург{1220}. «Тогда мы посчитали это правильным», – замечает Г.М. Кузнецова, лаборантка из МАИ{1221}.

«Большинство людей считало эту меру правильной, тем более, что приводили цифры, сколько продуктов и товаров вывозилось в Западный Берлин, и рассказывали, как через него засылали шпионов», – вспоминал В.Р. Червяченко. «Если Запад считал Западный Берлин частью западногерманского государства, то и режим на его границе должен быть соответствующим», – полагал инженер Московского автомобильного завода им. Сталина Е.Д. Монюшко. «Это предотвратит от всяких влияний с Запада», – думала колхозница Е.А. Грибкова из деревни Городки в Малоярославецком районе{1222}.

«Стену надо возводить и вокруг нашей страны, чтобы не лезли», – полагала учительница М.М. Крылова из деревни Ключевка в Калининской области. «Шансы на то, чтобы все немцы приняли строй народной демократии, были весьма невелики», – соглашался инженер одного из московских НИИ Б.Г. Лященко, делая из этого вывод, что возведение Берлинской стены было неизбежным. А инженер Центрального института погоды В.М. Мухин «еще и сетку сверху предлагал сделать и пропустить ток, чтобы немцы не могли вылезти». «Одной стеной тут не отделаешься, – была уверена бухгалтер колхоза им. 1-го мая в Мечетинском районе Ростовской области Ф.П. Асмошкина. – Я бы уничтожила всю западную буржуазию и фашистов». «Мы были победителями, Берлин брали русские, а не американцы, и не им было нас судить, – рассуждала Т.Ф. Ремезова, медсестра из Коломны. – Западу надо всегда не просто показывать

кулак, а иногда и бить по физиономии, как это было в 1812 и 1945 гг., а иначе он наглеет». По категорическому мнению военнослужащего А.П. Брехова любое действие по защите соцлагеря, – это во благо, а бездействие – предательство: «Не стало стены – не стало и соцлагеря, СССР, империи, зато стала возможной бомбежка Югославии»{1223}.

Как вынужденную воспринял эту меру инженер Московского энергетического института А.В. Митрофанов: «Решительность советского правительства “закрыть” Берлин вызвала уважение к силе нашего оружия». Были согласны, что нельзя уступать Западу, еще 8 респондентов. Одобрели потому, что просто верили правительству и средствам массовой информации, 11 респондентов{1224}.

Не одобрили возведение стены соответственно 17,5 и 14,5% опрошенных.

Было «огорчительно» и «ничего хорошего» в этом не видела инженер ВЭТИ им. Кржижановского Л.П. Смирнова{1225}. По рассказу студентки МХТИ А.Ф. Савельевой, «посчитали, что они сошли с ума, денег много, заняться нечем»{1226}. А.М. Семенов, секретарь Корбовского райкома партии в Белоруссии, полагал, что не стену надо было возводить, а больше уделять внимания решению социальных вопросов: «Тогда и не бегали бы люди на Запад, а может быть и наоборот»{1227}. «Запретный плод сладок», – говорила Т.Г. Малышенко из Баку{1228}.

«Никто не одобрил», – категорично заявляют Н.Ф. Иванова и А.В. Сорокина, учительницы из поселка Онуфриево в Истринском районе{1229}. «Немцы должны жить в одной стране», – полагала П.П. Дрендель, работница столичного ресторана «Загородный»{1230}.

Рабочий завода № 30 А.И. Кирьянов считал, что «люди одной национальности должны жить вместе и дружно, а не конфликтовать друг с другом». Такого же мнения придерживались слесарь-механик Московского завода «Вулкан» А.П. Барабанов и работница бассейна «Москва» Н.С. Разоренова. «Деление немцев на восточных и западных было по меньшей мере странным», – соглашалась с ними повар московской столовой № 23 Р.И. Капошина. «Что, Германия – коммунальная квартира, где так легко поставить перегородку?» – спрашивал техник трамвайного депо им. Баумана А.И. Харитонов. «А чтобы вы сказали, если бы Москву разделили такой же стеной на западную и восточную части?» – спрашивала врач городской больницы в Бельцах (Молдавия) Л.В. Беляева. Признанием слабости и бессилия социализма посчитал возведение стены москвич А.А. Штромберг. «Мы навесили на себя железный занавес», – говорила учительница Монасеинской школы в Лотошинском районе М.Ф. Журавлева. «Была против, но ничего не могла сделать» учительница Власовской школы в Раменском районе А.Ф. Алифанова{1231}.

Примечательно, что, хотя отрицательно отнесшихся к возведению Берлинской стены меньше, чем отнесшихся одобрительно, число тех среди них, кто прибегал к аргументированию своей позиции, а не просто к эмоциям и ссылкам на мнение власти, все-таки больше.

Не понимали необходимости еще 1-2% опрошенных. Не было своего мнения или было безразлично для 11,5-12% опрошенных.

Затрудняются с ответом (в том числе потому, что не помнят об этом событии или о своей тогдашней реакции на него) 9-14% опрошенных. О возведении Берлинской стены доярка Е.П. Соколова из села Солодилово в Воловском районе Тульской области узнала только после ее разрушения{1232}.

Нет ответа или он не расшифровывается у соответственно 21 и 15% опрошенных.

Подводя итоги рассмотрению этого вопроса, можно констатировать, что более половины советских граждан имели смутное представление об истоках и причинах Берлинского кризиса. Из оставшейся меньшей половины только 18% соглашалось с тем, что по этому поводу говорилось официально. Советское предложение объявить Западный Берлин свободным городом оценили положительно 12% опрошенных, не поддержали 5% (в значительной мере расценивая его как ненужную уступку). Более двух третей оставили этот вопрос без ответа. О массовом бегстве на запад знал каждый десятый. Возведение стены одобрили 39% опрошенных, а не согласных оказалось 14,5%. Последняя цифра, вроде бы, не так уж и значительна, но она почти в 5 раз превышает число тех, кто имел четкое представление о корнях конфликта.